

ДЕТСКИЙ МИР И ВЗРОСЛЫЙ РИМ

Михаилу Казанскому — VIVAT!

Воспитание детей в древнем мире взрослых

Дети и взрослые: правила жизни и правила гигиены

Потустороннее детство: обряд и вещи

Одежда на вырост

Недетские деньги

Ответственный редактор — Анна В. Мастыкова

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Children's World and Adult Rome

VIVAT to Michel Kazanski!
Educating children in the ancient world of adults
Children and adults: rules of life and hygiene
Childhood afterworld: rite and goods
Clothes a size too big
Unchildlike money

Editor-in-Charge — Anna V. Mastykova

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2023

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Lumea copilăriei și Roma maturității

VIVAT! — pentru Michel Kazanski
Educația copiilor în lumea antică a maturilor
Copiii și maturii: regulile vieții și regulile igienei
Copilăria de dincolo: rit și obiecte
Haină în creștere
Bani deloc copilărești

Redactor responsabil — Anna V. Mastykova

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2023

70-летию
Михаила Михайловича Казанского
посвящается

This issue is dedicated to 70th anniversary of Michel M. Kazanski

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЯРУ — VIVAT!

А. В. Мاستыкова (Москва, Россия). О Михаиле Казанском и его семье	15
Список опубликованных научных трудов М. М. Казанского (сост. А. В. Мастыкова)	35
Фотоальбом	51
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Ленинградские исследователи раннеславянских древностей Днепровского лесостепного Левобережья	83

ДЕТИ В МИРЕ ВЗРОСЛЫХ

Т. С. Жумаганбетов (Актобе, Казахстан). Дети и детство у средневековых тюрок VI—VIII вв.	101
Г. В. Требелева (Москва, Россия), А. С. Кизилев (Сочи, Россия), В. С. Смирнов (Москва, Россия). Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию	113

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРАВИЛА ГИГИЕНЫ

П. П. Гецко (Симферополь, Крым), Н. Г. Свиркина (Москва, Россия), М. О. Филимонова, С. М. Слепченко (Тюмень, Россия). Комплексное исследование индивидов из двух могил некрополя Кыз-Аул	127
М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина, С. В. Языков, А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1)	139

ДЕТИ ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки	155
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия). Детские погребения первых веков н. э. из могильника Старокорсунского городища №2	181
С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков (Тула, Россия). Детские погребения городища «Белинское» и его некрополя	197
С. В. Васильев, Г. А. Белова, А. Б. Савинецкий, С. Б. Боруцкая, Н. В. Харламова (Москва, Россия). Захоронение римского времени в египетском Файюме подростка с собаками	211
А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Подбойные детские погребения IV в. н. э. из могильника Фронтное 3	229
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения раннесредневекового некрополя Боспора	239

ВЕЩИ В ДЕТСКОМ ЗАГРОБНОМ МИРЕ

- О. С. Румянцева (Москва, Россия), Д. В. Бейлин (Симферополь, Крым),
И. В. Рукавишникова (Москва, Россия). Стекланные сосуды из детских
погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму . . . 261
- А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Антропоморфные подвески из детской
могилы некрополя римского времени Фронтное 3: случайность или
закономерность? . . . 277
- А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова (Москва, Россия). Воинские традиции
в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории . . . 289
- Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения с большой пряжкой
из Юго-Западного Крыма . . . 305

ОДЕЖДА НА ВЫРОСТ

- М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Уникальные
фибулы группы *Bügelknopffibeln* на могильнике позднеримского
времени Войтенки . . . 325
- В. Н. Зинько (Керчь, Крым). Фибулы из раскопок боспорского города Тиритака
(этнический маркер или ...?) . . . 349
- А. А. Кадиева, С. В. Демиденко (Москва, Россия). Новая находка провинциально-
римских шарнирных брошей с эмалью и мозаичным стеклом на Северном
Кавказе . . . 355
- М. М. Казанский (Париж, Франция), М. Е. Ткачук, Д. А. Топал (Кишинев, Молдова).
Княжеская фибула из села Рэзень . . . 365

НЕДЕТСКИЕ ДЕНЬГИ

- М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Статеры Тейрана с обозначением даты
выпуска ГЭФ как источник исторической информации . . . 377
- А. М. Воронцов (Тула, Россия). Тульский феномен: новые находки позднеримских
бронзовых монет с правобережья верхней Оки . . . 387

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. М. Обломский (Москва, Россия). Раннеславянские памятники в среднем
течении р. Ворона . . . 409
- Список сокращений . . . 427
- Авторам *Stratum plus* . . . 429

C O N T E N T S

VIVAT TO MICHEL KAZANSKI!

A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). About Michel Kazanski and his Family . .	15
M. Kazanski's scientific bibliography (compiled by A.V. Mastykova)	35
Photo Album	51
V. V. Pryimak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Leningrad Researchers of Early Slavic Antiquities in the Dnieper Left Bank Forest-steppe	83

EDUCATING CHILDREN IN THE ANCIENT WORLD OF ADULTS

T. S. Zhumaganbetov (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>). Children and Childhood among the Medieval Türks. 6th—8th Centuries	101
G. V. Trebeleva (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. S. Kizilov (<i>Sochi, Russian Federation</i>), V. S. Smirnov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Childhood in the Antiquities of Western Colchis: an Archaeologist's and Pedagogue's View of Artifacts and Ethnography	113

CHILDREN AND ADULTS: RULES OF LIFE AND HYGIENE

P. P. Getsko (<i>Simferopol, Crimea</i>), N. G. Svirkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. O. Filimonova , S. M. Slepchenko (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). A Comprehensive Study of Individuals from Two Graves of the Kyz-Aul Necropolis	127
M. V. Dobrovolskaya , N. G. Svirkina , S. V. Yazikov , A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Lifestyle of Children and Adults in the Barbarian Environ of Chersonesos (Based on Materials from Frontovoe 3 and Kil-Dere 1 Necropolises) . .	139

CHILDHOOD AFTERWORLD: RITE AND GOODS

I. N. Khrapunov , A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Gender Markers of the Roman-period Burials in the Cemetery of Opushki	155
N. Yu. Limberis , I. I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Child's Burials of the First Centuries A.D. in the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2 . .	181
S. V. Yartsev , V. G. Zubarev , E. V. Shushunova , A. A. Vnukov (<i>Tula, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Ancient "Belinskoye" Settlement and its Necropolis . .	197
S. V. Vasilyev , G. A. Belova , A. B. Savinetskiy , S. B. Borutskaya , N. V. Kharlamova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). A Roman Time Burial of a Teenager with Dogs in Egyptian Fayum	211
A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Children's Niche Graves of the 4th Century AD from Frontovoe 3 Cemetery	229
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Children's Burials from an Early Medieval Necropolis in the Bosphorus Lane	239

GOODS IN CHILDREN AFTERWORLD

- O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Beylin** (*Simferopol, Crimea*),
I. V. Rukavishnikova (*Moscow, Russian Federation*). **Glass Vessels from the Children's
 Burials of the Alexandrovskie Skaly 1 Necropolis in the Eastern Crimea** 261
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Anthropomorphic Pendants from a
 Children's Grave in a Roman Period Necropolis Frontovoe 3: Coincidence or
 Regularity?** 277
- A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova** (*Moscow, Russian Federation*). **Warrior Traditions
 in Elite Children Clothes from Late Antique Phanagoria** 289
- E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*). **Children's Burials with a Great Buckle
 from the South-western Crimea** 305

CLOTHES A SIZE TOO BIG

- M. V. Lyubichev** (*Kharkiv, Ukraine*), **E. Schultze** (*Berlin, Germany*). **Unique Brooches
 of the *Bügelknopffibeln* Group at the Burial Ground of the Late Roman
 Period Voitenki** 325
- V. N. Zin'ko** (*Kerch, Crimea*). **Fibulae from the Excavations of the Bosporan City of
 Tyritake (either an Ethnic Marker or ...?)** 349
- A. A. Kadieva, S. V. Demidenko** (*Moscow, Russian Federation*). **A New Find of Provincial
 Roman Brooches with Enamel and Mosaic Glass in the Northern Caucasus . . .** 355
- M. M. Kazanski** (*Paris, France*), **M. E. Tkachuk, D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*).
Princely Fibula from the Răzeni Village 365

UNCHILDLIKE MONEY

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Teiranes's Staters with Issue Date
 Designation ΓΞΦ as Source of Historical Information** 377
- A. M. Vorontsov** (*Tula, Russian Federation*). **Tula Phenomenon: New Finds of the Late
 Roman Bronze Coins from the Right Bank of the Upper Oka** 387

NEW MATERIALS AND STUDIES

- A. M. Oblomskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Early Slavic Archaeological Sites
 in the Middle Reaches of the Vorona River** 409

Abbreviaations 427

Submissions 429

Г. В. Требелева, А. С. Кизилев, В. С. Смирнов

Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию

Keywords: Caucasus, Colchis, Bronze Age, antiquity, Middle Ages, burial, toys, guttus, childhood

Cuvinte cheie: Caucaz, Colhida, epoca bronzului, antichitate, evul mediu, mormânt, jucării, gutus, copilărie

Ключевые слова: Кавказ, Колхида, бронзовый век, античность, средневековье, погребение, игрушки, гутус, детство

G. V. Trebeleva, A. S. Kizilov, V. S. Smirnov

Reconstruction of Childhood in the Antiquities of Western Colchis: an Archaeologist's and Pedagogue's View of Artifacts and Ethnography

According to paleodemographers, children in ancient and traditional societies accounted for at least half of the entire population. This was a necessary condition for the simple reproduction of the population. However, in archaeological terms, the remains of artifacts that testify to the children's world, as a rule, are extremely poorly represented.

In our article, we consider the very concept of childhood from the point of view of pedagogy, archaeology and ethnography, and also determine what is hidden under the concepts of "game" and "children's toy". In addition to various types of sources that testify to the childhood world of northwestern Colchis, specific artifacts are considered, interpreted as toys or children's household items. We use both the data on artifacts obtained directly by the authors during excavations (settlements of Shepsi (Bronze Age), Markul settlement (4th century BC — 14th centuries AD)), as well as literary and archival data on other sites of the region. With the involvement of ethnographic data and on the basis of our own pedagogical experience, parallels with archaeological sites of other regions are considered, where children's toys are better preserved.

The results obtained make it possible to reconstruct the childhood world of northwestern Colchis and answer the question: why are the traces of the children's world so poorly preserved in the Caucasian region?

G. V. Trebeleva, A. S. Kizilov, V. S. Smirnov

Reconstrucția lumii copilăriei în vestigiile Colhidei de Vest: privire a arheologului și pedagogului asupra artefactelor și etnografiei

Conform părerii paleodemografilor copiii, în societățile străvechi și tradiționale, constituiau nu mai puțin de jumătate din numărul total de populație. Acesta era condiția necesară pentru simpla reproducere a populației. În plan arheologic, însă, resturile artefactelor, ce sunt mărturie a lumii copilăriei, ca regulă, sunt reprezentate extrem de slab.

În acest articol noi discutăm din punct de vedere al pedagogiei, arheologiei și etnografiei însuși noțiunea de copilărie, totodată determinăm, ce se ascunde sub noțiunile de „jocă” și „jucărie pentru copii”. În afară de diferitele tipuri de surse, ce vorbesc despre lumea copilăriei Colhidei de Nord-Vest, sunt discutate artefacte concrete, interpretate drept jucării sau obiecte de uz copilăresc. Sunt atrase atât datele privind artefactele, obținute de însuși autorii articolului în timpul săpăturilor (așezarea Chepsi — epoca bronzului, așezarea fortificată Markul — sec. IV î.e.n. — sec. XIV e.n.), cât și datele scrise și cele de arhivă privind alte monumente ale regiunii. Prin atragerea datelor etnografiei și în baza propriei experiențe pedagogice sunt discutate analogiile cu monumentele arheologice ale altor regiuni, unde jucăriile pentru copii s-au păstrat mai bine.

Rezultatele obținute ne permit să reconstruim lumea copilăriei Colhidei de Nord-Vest și să dăm răspuns la întrebarea: de ce oare s-au păstrat atât de prost urmele lumii copilăriei în regiunea caucaziană?

Г. В. Требелева, А. С. Кизилев, В. С. Смирнов

Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию

По мнению палеодемографов, дети в древних и традиционных обществах составляли не менее половины от численности всей популяции. Это являлось необходимым условием для простого воспроизводства населения. Однако в археологическом плане остатки артефактов, свидетельствующие о детском мире, как правило, представлены крайне слабо.

В своей статье мы рассматриваем с точки зрения педагогики, археологии и этнографии само понятие детства, а также определяем, что скрывается под понятиями «игра» и «детская игрушка». Помимо различных типов источников, свидетельствующих о мире детства северо-западной Колхиды, рассматриваются конкретные артефакты,

The study was implemented within the Russian Science Foundation project no. 22-18-00466 ■ Lucrarea a fost realizată conform proiectului a Fundației Științifice a Rusiei, nr. 22-18-00466 ■ Работа выполнена в рамках проекта РНФ №22-18-00466

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Г. В. Требелева, А. С. Кизилев, В. С. Смирнов, 2023.

интерпретируемые как игрушки или предметы детского обихода. Привлекаются как данные по артефактам, полученные непосредственно авторами статьи в ходе раскопок (поселения Шепси (эпоха бронзы), Маркульского городища (IV в до н.э. — XIV вв. н.э.)), так и литературные и архивные данные по другим памятникам региона. С привлечением данных этнографии и на основе собственного педагогического опыта рассматриваются параллели с археологическими памятниками других регионов, где детские игрушки сохранились лучше.

Полученные результаты позволяют реконструировать мир детства северо-западной Колхиды и ответить на вопрос: почему же так плохо сохранились следы детского мира в кавказском регионе?

Говоря о любом понятии, следует в первую очередь начать с его определения. Что же такое детство? Известный русский и советский психолог-педагог Д. Б. Эльконин определял детство как период, когда ребенка нельзя непосредственно включить в систему общественного производства. Исходя из этого определения, логично предположить, что в разные исторические эпохи продолжительность данного периода менялась и зависела не только от биологического фактора, но и от социального: уровня развития человеческого социума, сложности его структуры и производительных сил (Эльконин 2007: 289; 1971: 6—20). Являясь людьми своего времени (последняя треть XX—XXI вв.), мы можем четко дифференцировать наличие в социуме двух отдельных миров: мира детей и мира взрослых. Идеи детоцентризма, господствующие в обществе, порождают целые отрасли индустрии, направленные на обеспечение «мира детства» материальными благами: книгами и игрушками, специальным питанием, предметами обихода. При этом в современности период детства достаточно длителен. Но всегда ли так было в истории? Что мы можем сказать о детстве в глубоком прошлом? Какие источники информации мы имеем о том периоде? В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в многочисленных нарративных источниках (в том числе в фольклоре) мы, по сути, не видим мира детей. Но отсутствие информации в данной ситуации красноречиво показывает, что дети и сам феномен детства не занимали в древности так много места в сознании людей и социума, как они занимают сейчас. В целом, это соответствует общим знаниям из истории педагогики: родоначальником педагогики как особой науки о воспитании и обучении детей по праву считается Ж.-Ж. Руссо со своим трактатом «О воспитании», а как таковая педагогическая наука появилась лишь в середине XIX века. Поэтому о детстве, а точнее о том, как жили дети в древних обществах, мы можем судить в основном по археологическим и этнографическим данным. Какие артефакты могут свидетельствовать о детях? В первую очередь это детские погребения и инвентарь, их сопровождающий. Более того,

теоретически, собственно детские погребения нам могут дать информацию и о детской смертности. Далее, естественно, ярким свидетельством мира детства являются найденные игрушки. Но в отношении данных артефактов часто возникают сомнения: игрушки это или ритуальные предметы? Важными элементами мира детства являются предметы ухода за детьми: детские люльки, поильники и другие вещи. Давайте рассмотрим, как обстоят дела со сведениями по этим источникам в северо-западной Колхиде.

Итак, детские погребения. Говоря в целом о погребениях как источнике, следует сказать, что вопрос сохранности костных останков играет немалую роль. Сохранность в погребениях зависит от целого ряда факторов. В первую очередь на это влияет сам тип обряда погребения: качество сохранности костяка у погребенного по типу ингумации, типу вторичного захоронения и типу кремации будет кардинально отличаться. При кремации может вообще не оставаться следов костей, лишь небольшие обгорелые фрагменты или зола. При вторичных захоронениях сохранность останков также, как правило, значительно хуже, чем в ингумациях. Но даже при ингумационном обряде не всегда кости сохраняются достаточно хорошо. На сохранность костей влияют факторы, которые можно разделить на две основные группы: внутренние и внешние (Зайцева 2004). Как пишет О. В. Зайцева: «Внутренние определяются строением и химическим составом самой костной ткани, а внешние влиянием окружающей среды». Динамика разложения костной ткани отдельных скелетных элементов зависит, прежде всего, от их формы, размера и плотности. Скорость разложения костей обратно пропорциональна их размеру, поэтому детские кости будут, естественно, сохраняться хуже, чем кости взрослых. У детей много хрящевой ткани, которая быстрее разлагается. И, следовательно, чем меньше ребенок, тем хуже будет сохранность костяка. Таким образом, полагая, что теоретически детские погребения — это свидетельства уровня детской смертности, мы понимаем, что, применительно к прошлому, имеющиеся данные слишком неполны. Это

не позволяет объективно судить о реальной детской смертности в силу не только недостаточной полноты исследованности территории, но и неравномерной сохранности самих погребений.

Внешние факторы, влияющие на сохранность костяка, «определяются кислотностью почвы, естественной влажностью грунта, температурой почвы, доступом кислорода, содержанием в почве углекислого газа и интенсивностью биогенного воздействия» (Зайцева 2004). Соответственно, кости быстрее разлагаются в почвах с большой кислотностью, большим содержанием влаги, хорошим доступом кислорода и высокой температурой. К сожалению, все эти природные факторы типичны для территории юго-западной Колхиды, в результате чего костный материал сохраняется здесь крайне плохо, а в погребениях отсутствуют цельные костяки даже взрослых. Однако, несмотря на скудность и неполноту имеющихся данных, некоторые выводы все же можно сделать. В первую очередь это связано с самим обрядом погребений. Рассмотрим имеющиеся данные в хронологическом порядке от эпохи бронзы до средневековья.

Период строительства дольменов нам фактически не оставил детских погребений. Детские останки (судя по размерам костей), найденные М. М. Иващенко в 1930 г. в коллективном погребении четвертого дольмена в селе Эшера (Иващенко 1935: 29), настолько фрагментарны, что судить ни об обряде, ни о возрасте ребенка, ни о причине смерти нет никакой возможности. В Отхарских дольменах раскопки И. И. Цвинария (Цвинария 1990: 33—34) обнаружили два детских безынвентарных погребения по обряду ингумации: скорченное на правом боку, головой на запад. Возраст детей не определен.

Для периода позднего бронзового и начала раннежелезного века (колхидская культура) информации уже немного больше. Интересно Агагинское погребение в Гудаутском районе Абхазии, исследованное А. Л. Лукиным в 1929 году (Лукин 1941: 29—41). Это ингумация в погребальной камере, которая изнутри по стенам была обложена камнем. По найденным ножным браслетам, точнее, их диаметру в 5,7—5,9 см, А. Л. Лукин определил возраст погребенного от 8 до 10 лет. Погребение сопровождалось стандартным набором предметов. В их числе три топора разных размеров, два из которых имеют на себе узоры, поясные бронзовые бляхи.

Детское погребение, из общего числа 113 исследованных, было обнаружено

на Красномаяцком могильнике: костяк практически не сохранился, из инвентаря обнаружен бронзовый колокольчик конической формы (Трапш 2018: 108). Из 33 погребений могильника Гуадику не выявлено ни одного детского. Но отсутствие данных о детских погребениях, конечно же, не свидетельствует об отсутствии детской смертности. Здесь необходимо учитывать два важнейших фактора: на сегодня крайне низкий уровень исследованности памятников данного времени, и худшая сохранность детских останков по сравнению со взрослыми. Мог повлиять и обряд кремации, характерный для могильника Гуадику, и обряд вторичного захоронения, который наиболее часто встречается в дольменах (Цвинария 1990: 16).

Аналогична ситуация и для эпохи эллинизма — найдено всего одно погребение на Красномаяцком младшем могильнике (Трапш 2018: 307).

Лучше представлены погребения римской эпохи. Погребение ребенка 5—7 лет¹ было обнаружено на Маркульском городище под складом пифосов. На данном могильнике вскрыто пока три синхронных захоронения: погребение двух взрослых мужчин, по обряду ингумации, сопровождавшееся богатым инвентарем (сосуды 5 штук, оружие, украшения в виде бусин, перстней и фибул), костями животных от ритуальных трапез и углями от кострищ. Детское же погребение было совершено по обряду вторичного захоронения: внизу лежали длинные кости, на них позвонки и ребра. Рядом, восточнее продольной длины костей, был поставлен череп и два кувшина, друг за другом с северной стороны от черепа (рис. 1). Погребение сопровождалось небольшим количеством углей и костей животных, возможно, от погребальной трапезы. Среди костей были обнаружены две бусины: одна бусина прямо в третьем шейном позвонке и вторая рядом. Таким образом, налицо, с одной стороны, различие в погребальном обряде захоронений взрослых и детей (ингумация-вторичное захоронение), с другой — наличие общих черт: погребения сопровождаются тризной, остатки которой (угли и кости) засыпали в могилу, присутствуют сопровождающие вещи. Какого-либо специфического детского инвентаря в погребение ребенка не клали, либо он не сохранился, так

¹ Могильник исследовался Г. В. Требелевой, определение возраста ребенка дано антропологом Т. Ю. Шведчиковой.

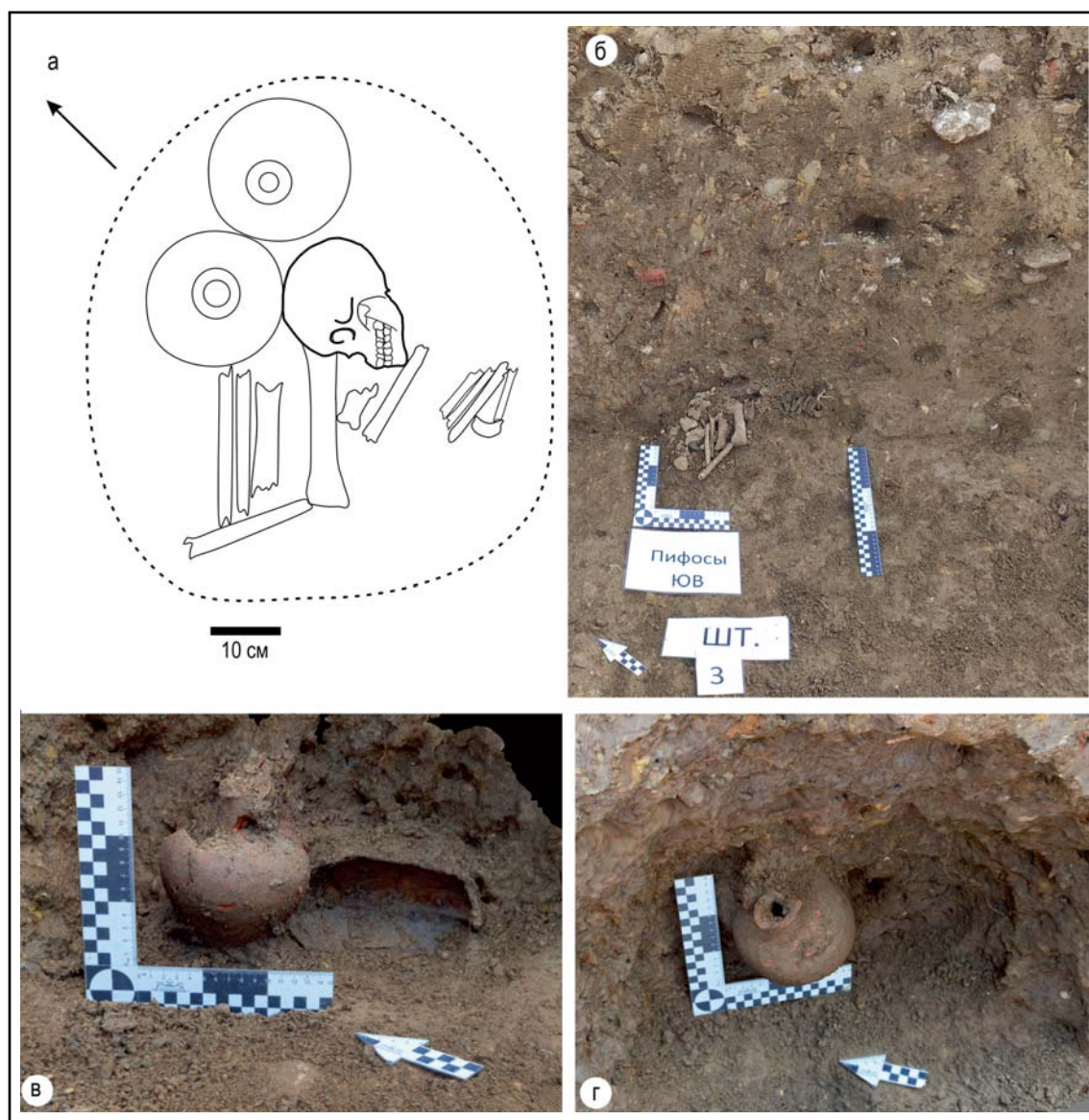

Рис. 1. Погребение №2 на участке раскоп «Пифосы» Маркульского городища: а) план погребения; б) обнаружение погребения в раскопе у северо-восточного борта раскопа (фото); в) раскопки погребения методом подбоя по контуру погребальной ямы в борту: слой 1 (фотограмметрическая модель); г) раскопки погребения методом подбоя по контуру погребальной ямы в борту: слой 2 (фотограмметрическая модель).

Fig. 1. Burial No. 2 at the Pythos excavation site of the Markul settlement: a) plan of the burial; b) discovery of a burial in an excavation near the northeastern side of the excavation (photo); c) excavation of the burial by the method of undercutting along the contour of the burial pit in the side: layer 1 (photogrammetric model); d) excavation of the burial by logging along the contour of the burial pit in the side: layer 2 (photogrammetric model).

как мог быть сделан из органического материала. Схожую картину мы наблюдаем и на могильнике II—III вв. на холме Осиарху (участок А. А. Джинджау) в селе Куланьрхуа (Хондзия, Требелева 2017: 164—173). Здесь среди 10 погребений встречено одно детское. Автор раскопок (Хондзия З.Г.) интерпретирует его как кремация, однако хорошо сохранившиеся фаланги кистей рук и бронзовый браслет без следов горения могут свидетельствовать, что погребение было совершено по обряду вторич-

ного захоронения, а небольшое количество углей и костей птицы могло быть остатками тризны. Погребение также сопровождалось сосудами, одним целым кувшином и обломками чаши, а также известняковым пряслищем.

Несколько иную ситуацию можно наблюдать на Цебельдинском могильнике (Воронов 2003). Здесь из общего числа 455 могил Ю.Н. Воронов выделяет 38 детских захоронений. Все эти погребения датируются IV—VII вв., т.е. уже эпохой распростране-

ния христианства на данной территории. Обращает на себя внимание, что два из 38 детских погребений принадлежат младенцам (детям до 1—2 лет), и эти погребения совершены в кувшинах. В одном случае это кремация, остатки которой помещены в корчагу, в другом — ингумация в амфоре, что характерно для античного погребального обряда. Остальные погребения совершены по обряду ингумации с различной ориентировкой. В могилы помещались сопровождающие вещи: железные ножи (в 3-х случаях), наконечник дротика (один случай). Керамические сосуды были в 22 из 38 погребений, в одном из погребений лежал бронзовый колокольчик, еще в одном — глиняное пряслице. Лишь 8 захоронений были безынвентарными. Они датируются Ю.Н. Вороновым уже VII веком, когда устоялись христианские традиции.

Аналогичную картину мы встречаем для погребений VI—VII вв. в Сухуме. Здесь раскопками А.Н. Габелия (Габелия 2014: 410—412, 429) было обнаружено 6 детских захоронений, из них два младенческих в амфорах, остальные в керамических ящиках или на слое плинфы, накрытые обломками амфор. Погребения безынвентарные. Таким образом, здесь наблюдаются сохранение следов античной традиции (младенческие захоронения в амфорах) и появление традиций христианства погребать без сопровождающих вещей.

Обращаясь к периоду распространения христианских традиций, следует рассмотреть картину захоронений на территории Маркульского храма. Из общего числа выявленных на сегодня 46 могил к детским погребениям относятся 4 возраста *Infantis* I (т.е. до 10—12 лет) и одно погребение младенца до года. К сожалению, большая часть погребений при храме была не в анатомическом порядке вследствие сохранения здесь некрополя в течение многих столетий и захоронений на одном и том же месте (храм существовал с рубежа IV — начала V вв. до XIV в). Поэтому проследить полноценно обряд не представляется возможным. Однако мы видим, что, если анализировать могильник в целом, то процент погребенных детей к общему числу захороненных возрастает. Объясняется это, скорее всего, меньшим возрастом могильника и, соответственно, меньшим сроком пребывания костей в земле и их лучшей сохранностью, а также отсутствием обряда кремации.

Обратимся ко второму типу источников — детским игрушкам. Рассматривая игрушку ребёнка *Homo sapiens sapiens* в археологическом контексте, сразу необходимо отметить один

важный аспект, связанный с человеческим разумом и фантазией, — использование в качестве игрушки практически любого небольшого предмета. Этот факт хорошо заметен в индустриально слабо развитых сообществах, где экономический фактор не позволяет производить детские игрушки массово, и эту лакуну восполняют кустарным способом. Более того, достоверно утверждать, что какой-либо необычный предмет, явно не утилитарного значения, является (или не является) детской игрушкой, можно только при фактическом наблюдении процесса детской игры. Дошедшие в этнографических исследованиях факты игрового действия лишь частично могут позволить нам высказывать предположения, что предмет был детской игрушкой. «Детская игрушка, воплощая в себе этническое сознание, накопленное людьми в общественно-исторической практике, является одним из значимых факторов социализации ребенка» (Давлетова, Давлетова 2016). Именно по этой причине возникает тонкая грань перехода между игрушкой и предметами для тренировки навыков. Этнографические исследования показывают нам правомочность данного предположения на современных примерах у африканских народов масаи, датого, хадза.

Дети народа хадза с раннего детства осваивают навыки охоты (мальчики) и собирательства (девочки). Отец или старшие братья делают мальчику первый лук и стрелы, когда тот начинает самостоятельно бегать по лагерю, а к четырем-пяти годам мальчик уже способен попасть стрелой в дерево на расстоянии семь-десять метров. По мере взросления мальчик сам (с помощью взрослых мужчин) изготавливает себе лук и стрелы под свой рост и длину рук. Отцы начинают брать с собой на охоту (вблизи лагеря) мальчиков в возрасте от шести лет, а затем, по мере взросления, расстояние от лагеря постепенно увеличивается. 10-летние мальчики уже обладают хорошими навыками охоты и способны добыть не крупную дичь типа мангуста, дамана или цесарки (Бутовская, Драмбян 2007: 107). Обучение происходит как в процессе охоты, так и по возвращении. Старшие мужчины устраивают настоящий «разбор полетов», анализируют каждый шаг недавней охоты и разъясняют ошибки, допущенные подростками.

Мальчики народа датого постоянно заняты борьбой на палках — когда они вырастут, то будут с ее помощью разрешать конфликты с соплеменниками. Взрослые вмешиваются лишь в том случае, если игра приобретает агрессивный характер. Обучение детей ориен-

тировано, скорее, на независимость и самостоятельность, чем на послушание. Драки на палках у взрослых датога — метод разрешения споров и конфликтов и показатель силы (аналогично европейской дуэли).

В этой связи несколько по-иному можно рассматривать средневековые деревянные мечи, луки, стрелы и топоры, найденные археологами в Великом Новгороде (Хорошев 1998). Из многочисленных этнографических источников и произведений живописи² достоверно известно о народных забавах с применением потешного оружия, в которых принимали участие и взрослые, и подростки. Также многочисленны данные о тренировках у мальчиков с применением деревянного оружия, и эта же традиция сохранилась и на Кавказе. Большое распространение среди всех этнических групп адыгов получила «битва всадников и пеших». Кабардинцы называют эту игру — *шурьлэс* — «конные и пешие». На западе Черкесии, с учетом того, что пешие всегда вооружены длинными палками, потешная битва получила наименование *кьорэгъау* (у бжедуг) и *кьурагъау* (у шапсуг), что, в принципе, означает одно и то же — «сражение на палках» или «палочная война» (аулы Мыгу, Джаджихабль, Харту, Калез и др.) (Бгажников 1991: 132). Таким образом, становится очевидным то, что игрушкой и одновременно тренировочным аксессуаром может быть и художественно вырезанное изделие, и обычная палка.

Вторая тонкая грань пролегает между детской игрушкой и религиозным ритуалом. Детская погремушка или трещотка — инструмент для оберега от злых духов: шум, звук отпугивал духов и защищал ребенка. Для этого в древности и в костюме носили много «шумящих подвесок», особенно женщины. Изображение животного или птицы на них олицетворяло бога или конкретного человека. Куклы активно использовались во все времена для магических ритуалов. С этим связан тот факт, что часто куклы делались «без лица»: отсутствовали изображения глаз, рта, носа — это служило своеобразной защитой от духов, которые могли бы поселиться в данной кукле (рис. 2). И для игрушек, и для ритуальных предметов характерно не детальное изображение, а символическое: «по намеку открывать целое», когда одна-две характерных чер-

Рис. 2. Традиционная народная абхазская кукла из коллекции Дианы Ахба на выставке в Абхазском государственном музее (фото А. С. Кизилова).

Fig. 2. A traditional Abkhaz folk doll from the collection of Diana Akhba at an exhibition in the Abkhaz State Museum (photo by A. Kizilov).

ты создают целый образ (Харузина 1912: 108). Первой работой в вопросе изучения этнографических абхазских игрушек стали труды Дианы Ахба — историка, археолога, старшего научного сотрудника Абхазского государственного музея, которая уже более восемнадцати лет коллекционирует традиционные абхазские игрушки. Расширяя зону своих исследований, Д. Ахба создала коллекцию народных абхазских и абазинских игрушек (Барганджия 2019), включив тем самым территории Большого Сочи в спектр бытования национальных традиций.

В свете вышесказанного привлекают к себе внимание артефакты, обнаруженные при аварийно-спасательных археологических работах на поселении эпохи бронзы Шепси (Кудин, Кизилов, Кондряков 2018: 139—145). В первую очередь обращает на себя внимание предмет, интерпретируемый как керамическое пряслице (рис. 3). Однако сечение найденного колёсика весьма отлично от известных типов пряслиц на Западном Кавказе как периода строительства дольменов (Марковин 1978: 253, рис. 128: 18—19), так и эпохи поздней бронзы (Козенкова 1998: 164). Гораздо больше оно сопоставимо с профилем колёс на повозках в погребениях новотиторовской культуры конца раннего — начала среднего бронзового века, в основном, в Восточном Приазовье и степях Кубанского Правобережья (Гей 2000: 31, 68, 185). В сложении Новотиторовской куль-

² Например, В. И. Суриков, «Взятие снежного городка», холст, масло, 1891, Государственный Русский музей.

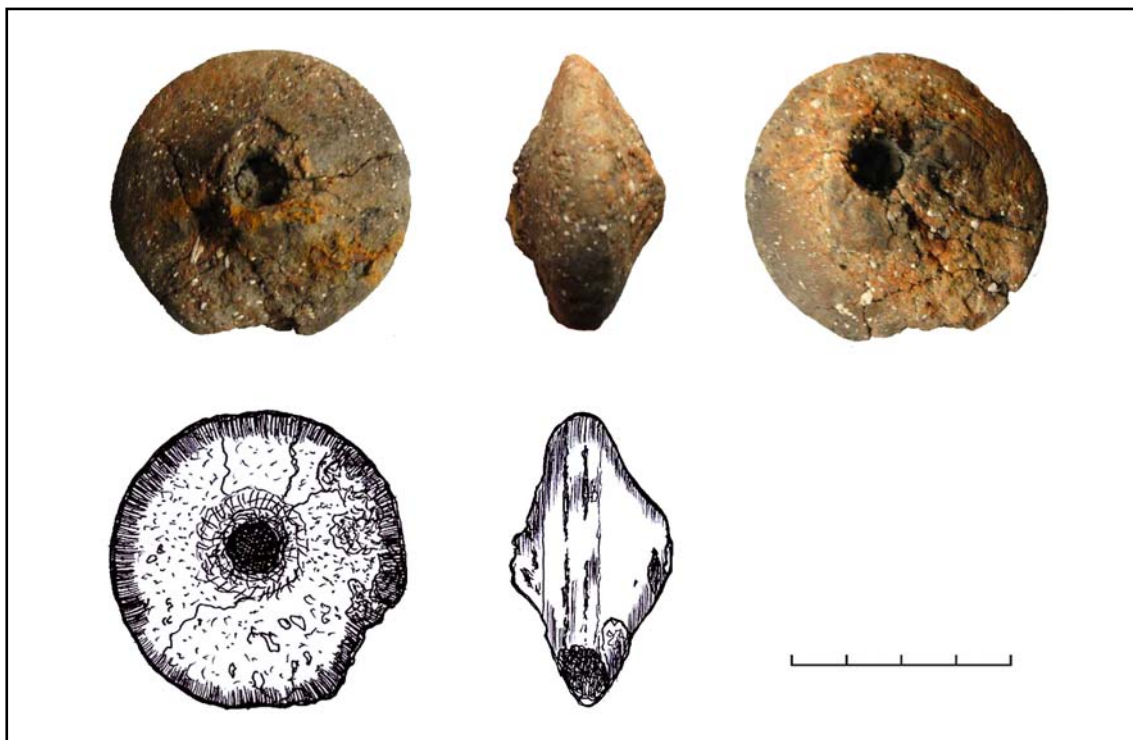

Рис. 3. Керамическое пряслице (или колесико), обнаруженное при аварийно-спасательных археологических работах на поселении эпохи бронзы Шепси (фото А. С. Кизилова, рисунок А. А. Кизиловой).

Fig. 3. Ceramic whorl (or wheel) discovered during rescue archaeological work at the Bronze Age settlement of Shepsi (photo by A. S. Kizilov, A. A. Kizilova's drawing).

туры приняли участие носители традиции, связанной с майкопско-новосвободненской общностью. Эти же традиции наблюдаются и на поселении Шепси. Маленькие повозки или их детали (глиняные колесики) могли служить и как игрушки, и как ритуальные предметы — символ движения, перехода из одного мира в другой. В археологической практике мы встречаем, к примеру, остатки модели двухколесной повозки с terra-cotta колесиками в захоронении ребенка 9—10 лет на Алтын-депе. На данной повозке фиксируются следы сработанности на колесных втулках и местах соприкосновения с туловищем, т.е. её катали (Кирчо 2009: 25—33). Но также встречаются свидетельства о престижно-знаковом (Массон 1976: 165—166) и ритуальном значении повозок (Кузьмина 1980: 19, 20). Таким образом, скорее всего следует констатировать многогранность природы этих вещей. В плане археологии следует отметить, что остов игрушечной тележки делался из дерева, а колеса из глины, которая сохраняется гораздо лучше, чем древесина. Фактор сохранности объясняет и обстоятельства находки только колёсика на поселении Шепси, поскольку

ку влажный климат Черноморского побережья и кислые почвы крайне плохо сохраняют органические артефакты.

Интересно отметить, что на том же поселении Шепси были обнаружены фрагменты очажной приставки, характерной для майкопско-новосвободненской общности. Именно эти керамические антропоморфные фигурки находят в остатках жилищ недалеко от места бывшего очага. Очажная приставка, согласно последним исследованиям, не имела утилитарного значения, а трактуется как символическое изображение куклы — хранительницы дома (Кореневский, Кизиллов 2016: 120—123). Однако нет никаких оснований утверждать, что, помимо ритуального значения, она не могла быть и игрушкой. Еще один объект, который может привлекать внимание как возможная игрушка — это шиповидные костные образования ската «морская лисица» (рис. 4). Их затруднительно идентифицировать с остатками трапезы, поскольку они находились на значительном расстоянии от остатков очагов. Рассматривая игру как некий ритуал и элемент сакрального действия, стоит обратить внимание на такой предмет, как игральные кости, предшественника-

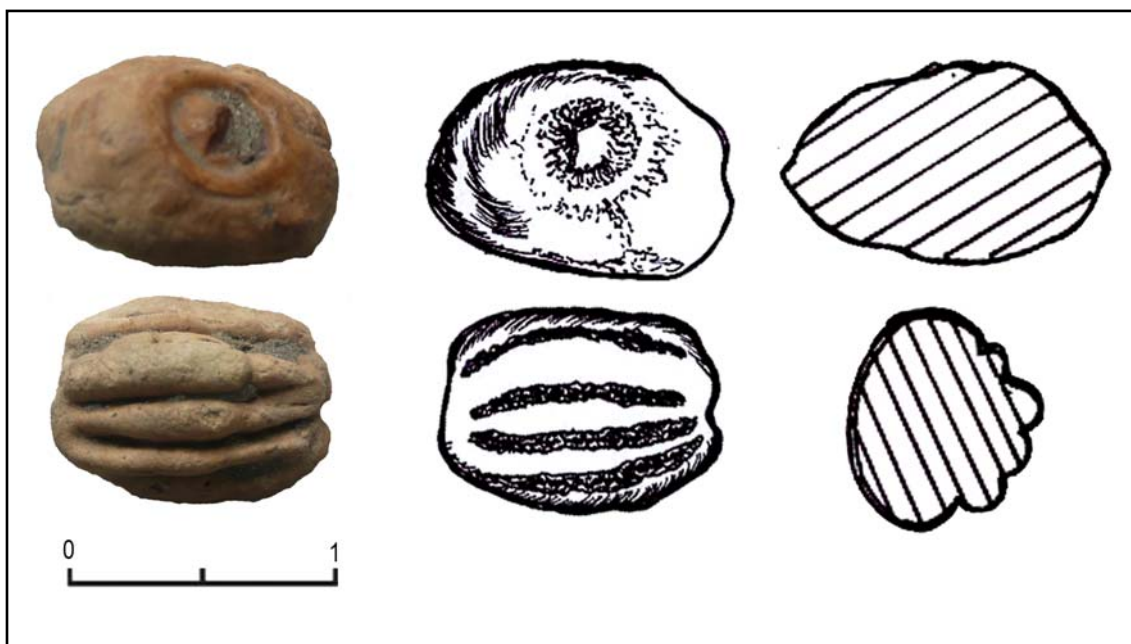

Рис. 4. Шиповидное костное образование ската «морская лисица», обнаруженное при аварийно-спасательных археологических работах на поселении эпохи бронзы Шепси (фото А. С. Кизилова, рисунок А. А. Кизиловой).

Fig. 4. Spike-shaped bone formation of the “sea fox” ray, discovered during rescue archaeological work at the Bronze Age settlement of Shepsi (photo by A. S. Kizilov, A. A. Kizilova’s drawing).

ми которых были игральные астрагалы (Подобед, Усачук, Цимиданов 2019). Не исключено, что и шиповидные костные образования ската «морская лисица», которые были найдены на поселении Шепси, могли исполнять данную функцию.

Анализируя находки игрушек более позднего периода, мы можем назвать терракотовую статуэтку голубя, обнаруженную в Сухуме в слое II—III вв. н. э. (Трапш 2018: 388). Она сделана от руки, из темно-синей сухумской глины, с примесью песка и белыми включениями, крепкого хорошего обжига, красно-серого цвета. Высота фигуры (без сохранившихся ножек) 4 см, длина 4,9 см, наибольшая толщина 1,5 см. По мнению М. М. Трапша, такая фигурка могла быть как детской игрушкой, так и культовым изделием или украшением дома. Терракотовые голуби засвидетельствованы в античных городах Северного Причерноморья, в частности, при раскопках городищ Пантикапея и Фанагории. Наличие подобных статуэток в других античных центрах свидетельствует о единстве культурного пространства. Они встречаются иногда в сочетании с человеческими скульптурными фигурками, например, одна статуэтка девушки в хитоне из Пантикапея изображена с голубем — птицей, посвященной Аф-

родите (Кобылина 1958: 178). Таким образом, и в более поздний период мы видим многогранность природы игрушек: ритуальный предмет, элемент декора и игрушка.

Третьим источником сведений о мире детства являются предметы обихода. Люльки, сделанные из дерева, не сохранились, но наше внимание привлекли находки фрагментов трех сосудов с узким носиком, сделанные на Маркульском городище (рис. 5). Эти сосуды можно интерпретировать как фрагменты гутусов, т. е. сосуды для дозирования жидкости. Гутусы могли использоваться и как ритуальные сосуды, и как поильники для больных и детей. Интересно то, что из трех этих фрагментов два имеют похожую форму, но один из них краснолаковый (сосуд №1), т. е. импортный, привезенный из античного центра, второй (сосуд №2) по цвету глины «варварского производства». Третий фрагмент (сосуд №3), также по цвету «варварского производства», имеет иную форму: он напоминает поильник, использующийся до сих пор на курортах с минеральными водами — поступление жидкости через небольшое отверстие в ручке. Такой формы сосудики встречаются в погребениях алан I—V вв. н. э. (Горбенко, Косяненко 2011: 68—69; Абрамова 1997: 79). Нами был проведен технико-технологический ана-

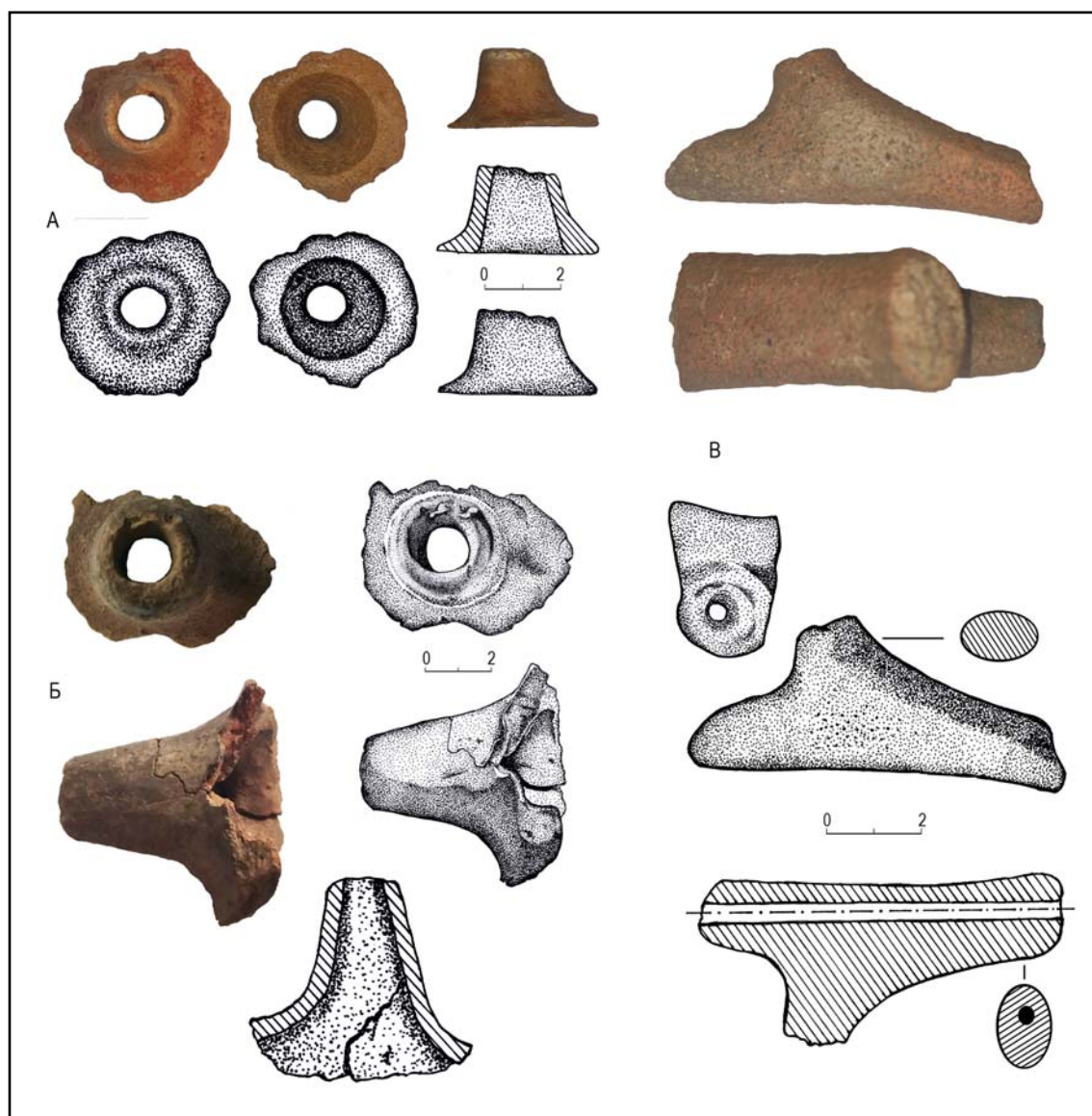

Рис. 5. Фрагменты трех сосудов с узким носиком (гутусы), найденные на Маркульском городище (фото Г.В. Требелевой, рисунок А.А. Кизиловой): а) сосуд №1 (краснолаковый); б) сосуд №2, в) сосуд №3 («поильник»).

Fig. 5. Fragments of three vessels with a narrow spout (gutis) found at the Markul settlement (photo by G.V. Trebeleva, drawing by A.A. Kizilova): a) vessel No. 1 (red lacquer); b) vessel No. 2, c) vessel No. 3 ("drinker").

лиз по методике А.А. Бобринского³ и рентгенографический фазовый анализ на определение минерального состава примесей⁴ двух из трех фрагментов, чье происхождение (мест-

ные или импортные) могло вызывать вопросы (табл. 1).

В качестве исходного пластичного сырья (ИПС) использована глина во влажном состоянии. Следов дробления ИПС не выявлено. Для изготовления сосуда №1 (ручка) отбиралась среднезаспесоченная среднеластичная ожеженная глина, для сосуда №2 (носик) — также среднезаспесоченная среднеластичная, но менее ожеженная глина (близко к слабоожеженной). Естественные примеси к глине в обоих случаях одинаковые по минеральному составу (см. результаты

³ Техничко-технологический анализ фрагментов керамики по методике, разработанной А. А. Бобринским, проведен м.н.с. отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН М.Е. Клемешовой.

⁴ Рентгенографический фазовый анализ фрагментов сосудов выполнен в ИОНХ РАН.

Таблица 1.
Фазовый (минеральный)
состав сосудов, мас. %

Минералы	Сосуд №3 (ручка с отверстием)	Сосуд №2 (носик поильника)
Кварц SiO ₂	28.5	24
К-полевоы шпат K [AlSi ₃ O ₈]	3	4.5
Плагиоклаз (Ca, Na) AlSi ₃ O ₈	6	2.5
Гематит Fe ₂ O ₃	3	2
Анализ TiO ₂	0.5	0.5
Слюда KAl ₂ (AlSi ₃ O ₁₀) (OH) ₂	3	3
Монтмориллонит	20	30
Сумма определённых кристаллических фаз	64	66.5
Рентгеноаморфная фаза	36	23.5

РФА), незначительно различаются лишь размером, степенью окатанности и количеством. Состав формовочных масс (ФМ) в обоих случаях — глина без искусственных примесей. Обработка поверхностей — в обоих случаях заглаживание. Обжиг сосуда №1, насколько об этом можно судить по имеющемуся фрагменту изделия, проходил в полувосстановительной атмосфере (цвет всех поверхностей красновато-коричневый, ближе к темно-серо-коричневому, излом трехслойный темно-серо-коричневый 0,3 мм/красновато-рыжий 3,5 мм/темно-серо-коричневый 0,5 мм с четкой границей между слоями). Обжиг сосуда №2 происходил в окислительной атмосфере (цвет поверхностей темно-рыжий, с обширными темно-серыми областями, излом двухслойный светло-серо-коричневый 3 мм/рыжий 5,5 мм с четкой границей между слоями). Температура обжига обоих сосудов была менее 620—650°C, что следует из результатов РФА, где в составе керамической массы обоих сосудов присутствует анатаз (TiO₂), который при нагревании до данной температуры переходит в свою модификацию — рутил.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать выводы о том, что оба сосуда были изготовлены в одной и той же гончарной традиции из среднезапесоченной ожелезненной глины без каких-либо искусственных примесей при подготовке формовочной массы. Качественный состав естественных минеральных примесей одинаков, в нем присутствует 2—3% гематитового песка, что ранее фиксировалось в качестве характерного признака

сырья для изготовления строительной и тарной керамики, обнаруженной на Маркульском городище и ряде памятников прилегающей территории (Klemeshova *et alii* 2023; Требелева, Клемешова, Юрков 2022: 160—167; Клемешова и др. 2022: 196—201). Обжиг сосудов проходил при температурах, не достигающих 620—650°C. Различия в степени ожелезненности глины, качественном составе и размерности фракций песка позволяют предполагать использование разных глинищ для изготовления данных образцов посуды. Можно допустить их изготовление не в одной мастерской, но, вероятно, судя по сходству в особенностях состава песка, в одном геологическом районе. Следовательно, они местного производства, а не привозные.

Завершая обзор немногочисленных свидетельств о мире детства в северо-западной Колхиде, можно реконструировать следующую картину: дети раннего возраста (от рождения до 7 лет) занимали особое положение в половозрастной иерархии социума. Этот факт основывается на различиях в обрядах захоронения детей раннего возраста по сравнению с обрядами захоронения взрослых и детей-подростков, хорошо фиксируемых начиная с римского времени, благодаря лучшей сохранности более поздних могильников. Начиная примерно с 8—10 лет дети переходят на следующий этап развития, который уравнивает их положение со взрослыми, что нашло отражение в обряде захоронения: и само положение тела, и сопровождающий инвентарь детских погребений 8—10 лет не отличается от синхронных погребений взрослых. Возможно, это связано с тем, что дети этого возраста уже активно включались в производственный процесс, о чем можно судить в том числе и по этнографическим данным, т. е. фактически период детства к этому времени уже заканчивался.

Следующий вывод, который можно сделать, — это отсутствие четкой грани между игрушкой и ритуальным предметом. Но это логичный вывод. Сама игра в истории человечества сложилась, в первую очередь, как некое ритуальное и обучающее действие. Поэтому детская игра и нацелена прежде всего на тренировку, обучение и ритуальную защиту. Отметим, что эта функция игры сохраняется и по сей день, просто современные дети, проживающее много времени в виртуальном мире, чаще обучаются жизни в нем, а не в мире реальном. Если мы проанализируем игры детей, к примеру 70—90-х годов прошлого столетия, то есть те игры, че-

рез которые прошло наше поколение, и современные игры, то увидим, что игры детей конца XX столетия состояли в основном из древних, ритуально-обучающих детских игр, таких как прятки, салки, городки и т.п., а также из ролевых игр, через которые примеряли на себя роли будущих профессий: игры во врачей, продавцов, пожарных и других. Из игр, связанных с переживанием опыта познания мира, в том числе прошлого, отметим: игры в войну (чаще всего на примере ВОВ или рыцарских романов), спортивные состязания (футбол, волейбол, пионербол, хоккей, скакалки и т.п.), которые сочетают в себе и тренировочные функции, и познание мира профессий, поскольку спорт стал уже отдельным видом профессиональной деятельности. Игры современных детей сохраняют еще частично древние, ритуально-обучающие (прятки, догонялки и т.п.) функции, в некоторой мере сохраняются игры в профессии (парикмахеры, продавцы, медики и т.д.), но все большую долю занимают сюжетные игры на основе фантастических фильмов и виртуальных миров, как и, собственно, сами виртуальные игры. Таким образом, в глобальном плане суть игры не изменилась. Ну а дети северо-западной Колхиды в древности проигрывали окружающий их мир, используя как подручные средства, которые в огромном множестве предоставляли сложный ландшафт и богатая растительность, так

и игрушки, сделанные в основном из природных материалов (что предопределило их плохую сохранность). Этот вывод нам позволяют сделать этнографические данные. Сопоставление природных материалов, использовавшихся в конце XIX века на Кавказе и в Африке (у детей нетронутых цивилизацией народов готтентотов и кафров-скотоводов), показывает их полное сходство и, следовательно, недолговечность (Харузина 1912: 95).

Третий вывод — несмотря на то, что мир традиционных обществ прошлого не был детоцентричным, специальные приспособления для ухода за детьми и больными в нем изготавливались и применялись. Местное население имело разнообразные торговые и культурные контакты, поэтому мы наблюдаем как импортные вещи, так и вещи местного производства. Не исключено также, что различные формы поильников использовались для разного рода жидкостей или для разного возраста: дозирование через отверстие ручки поильника было более дробным и могло использоваться для более маленьких детей (может быть, даже до года), тогда как поильник с узким горлышком мог даваться детям более старшего возраста.

Таким образом, становится очевидным, что детство в древней Колхиде было не долгим, но насыщенным заботой близких людей и богатым миром игры, готовившим маленьких жителей Кавказа к взрослой жизни.

Литература

- Абрамова М.П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н. э.* Москва: ИА РАН.
- Барганджия С. 2019. *Выставка народных абхазских и абазинских игрушек открылась в Сухуме в Абхазском государственном музее.* URL: <https://abaza.org/abkhazskie-i-abazinskie-narodnye-igrushki-predstavili-v-sukhume> (дата обращения: 10.12.2022).
- Бгажноков Б.Х. 1991. *Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика.* Нальчик: Госкомиздат КБАСР.
- Бутовская М., Драмбян М. 2007. Хадза Танзании: традиции и современность. *Азия и Африка сегодня* (7), 107.
- Воронов Ю.Н. 2003. *Могила апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилума в 1977—1986 гг.* Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН.
- Габелия А.Н. 2014. *Абхазия в предантичную и античную эпохи.* Сухум: АГУ.
- Гей А.Н. 2000. *Новотиторовская культура.* Москва: Старый сад.
- Горбенко А.А., Косыненко В.М. 2011. *Некрополь Паниардиса.* Азов: Азовский музей-заповедник.
- Давлетова А.А., Давлетова Г.А. 2016. Игрушка как социокультурный феномен. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований* 5 (часть 3), 494—497.
- Зайцева О.В. 2004. Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков. *Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* Омск: ОмГУ, 66—69.
- Иващенко М.М. 1935. *Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии.* Тифлис: АН СССР (Известия НИИ Кавказоведения, вып. 3).
- Кирчо Л.Б. 2009. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе). *АЭАЕ* (1), 25—33.
- Клемешова М.Е., Юрков В.Г., Кириллов В.Е., Требелева Г.В. 2022. Исследования формовочных масс пифосов и плинфы и природной глины Маркульского городища. *Геоархеология и археологическая минералогия-2022. Научное издание.* Миасс; Челябинск: ЮУрГГПУ, 196—201.
- Кобылина М.М. 1958. Мастерская коропласта в Пантикапее. *СА XXVIII*, 178—192.
- Козенкова В.И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант.* Москва: ИА РАН (САИ В2—5).
- Корневский С.Н., Кизилов А.С. 2016. Очажные приставки майкопско-новосвободненской общно-

- сти — эксперименты в поисках ответа на вопрос об их утилитарном предназначении. В: Схатум Р.Б., Улитин В.В. (отв. ред.). I «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье — материалы Международной археологической конференции. Краснодар: ИП Смородин, 120—123.
- Кудин М.И., Кизилова А.С., Кондряков Н.В. 2018. Слои эпохи ранней и средней бронзы поселения «Шепси-1». В: Схатум Р.Б., Улитин В.В. (отв. ред.). VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар: ИП Шлепнев М.В., 39—145.
- Кузьмина Е.Е. 1980. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы: (К проблеме миграции индоиранских племен). ВДИ (4), 11—35.
- Лукин А.Л. 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа 1, 17—98.
- Марковин В.И. 1978. Дольмены Западного Кавказа. Москва: Наука.
- Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград: Наука.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2019. Таранные кости крупнорогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии. Теория и практика археологических исследований 10 (2). 31—56.
- Трапш М.М. 2018. Труды. В пяти томах. Том II. Сухум: Дом печати.
- Требелева Г.В., Клемешова М.Е., Юрков Г.Ю. 2022. Керамическая традиция в цебельдинский период по результатам исследования тарной керамики из склада пифосов и керамических плинф из раскопок Маркульского городища с помощью методики А.А. Бобринского. В: Хайрединова Э.А., Яцишина Е.Б. (отв. ред.). Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь: Антиква, 160—167.
- Харузина В.Н. 1912. Игрушки у малокультурных народов. Игрушка. Ее история и значение. Москва: Издание Т-ва И.Д. Сытина.
- Хондзия З.Г., Требелева Г.В. 2017. Памятники цебельдинской культуры в селе Куланьрхуа. Проблемы истории, филологии, культуры (3), 164—173.
- Хорошев А.С. 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок). Новгород и Новгородская земля. История и археология 12, 82—94.
- Цвинария И.И. 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мецниереба.
- Эльконин Д.Б. 1971. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. Вопросы психологии (4), 6—20.
- Эльконин Д.Б. 2007. Детская психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия.
- Klemeshova M. E., Trebeleva G. V., Kizilov A. S., Glazov K. A., Sokolov S. V., Yurkov G. Y. 2023. Application of the Method of A. A. Bobrinsky to Study the Brick Paste Composition from Eastern Abkhazian Medieval Temples and Fortresses. In: Ankusheva N. N., Chechushkov I. V., Epimakhov A. V., Ankushev M. N., Ankusheva P. S. (eds.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy—2021*. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Edinburgh: Springer, Cham., 171—183.

References

- Abramova, M. P. 1997. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III—V vv. n. e. (Early Alans of Northern Caucasus in 3rd—5th Centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Bargandzhia, S. 2019. *Vystavka narodnykh abkhazskikh i abazinskikh igrushek otkrylas' v Sukhume v Abkhazskom gosudarstvennom muzee (Exhibition of Abkhaz and Abazin Folk Toys in Sukhumi in the Abkhaz State Museum)*. URL: <https://abaza.org/abkhazskie-i-abazinskie-narodnye-igrushki-predstavili-v-sukhume> (accessed 10.12.2022) (in Russian).
- Bgazhnokov, B. Kh. 1991. *Cherkesskoe igrishche. Siuzhet, semantika, mantika (Circassian Game: Story, Semantics, Mantics)*. Nalchik: State Publishing Committee of the Kabard-Balkaria Autonomous Republic (in Russian).
- Butovskaia, M., Drambian, M. 2007. In *Aziia i Afrika segodnia (Asia and Africa Today)* (7), 107 (in Russian).
- Voronov, Yu. N. 2003. *Mogily apsilov (Burials of Apsilae)*. Pushchino: Russian Academy of Sciences, Pushchino Scientific Center (in Russian).
- Gabelia, A. N. 2014. *Abkhaziia v predantichnuiu i antichnuiu epokhi (Abkhazia in the Pre-Classical and Classical Periods)*. Sukhumi: Abkhaz State University (in Russian).
- Gei, A. N. 2000. *Novotitorovskaia kul'tura (Novotitorovskaia Culture)*. Moscow: "Staryi sad" Publ. (in Russian).
- Gorbenko, A. A., Kosianenko, V. M. 2011. *Nekropol' Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha) (Necropolis of Paniardis (Krepostnoe Fort))*. Series: Antiquities of the Don 11. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).
- Davletova, A. A., Davletova, G. A. 2016. In *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy (International Journal for Applied and Fundamental Research)* 5 (3), 494—497 (in Russian).
- Zaitseva, O. V. 2004. In *Shestye istoricheskie chteniia pamiati M. P. Griaznova (6th Historical Readings in Memory of M. P. Griaznov)*. Omsk: Omsk State University, 66—69 (in Russian).
- Ivashchenko, M. M. 1935. *Issledovanie arkhaiskikh pamiatnikov material'noi kul'tury v Abkhazii (Studies of Archaic Sites of Material Culture in Abkhazia)*. Series: Izvestiia NII Kavkazovedeniia (Bulletin of the Research Institute for Caucasian Studies) 3. Tiflis: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kircho, L. B. 2009. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 25—33 (in Russian).
- Klemeshova, M. E., Iurkov, V. G., Kirillov, V. E., Trebeleva, G. V. 2022. In *Geoarkheologiya i arkheologicheskaia mineralogiia-2022 (Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy—2022)*. Miass; Chelyabinsk: Southern Ural State State Pedagogical University, 196—201 (in Russian).
- Kobylyina, M. M. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXVIII, 178—192 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen (orudiia truda, ukrasheniia, predmety kul'ta, posuda: sistematizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant (Material Basis of Everyday Life of the Koban Tribes (tools, decorations, cult items, utensil: systematisation and chronology). Western Variant)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochn-

№4. 2023

- nikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Korenevskii, S.N., Kizilov, A.S. 2016. In Skhatum, R.B., Ulitin, V.V. (eds.). I «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza: Problemy izucheniia pogrebal'nogo obriada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e (1st Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. Issues of Studying the Funerary Rite of the Western Caucasus Peoples in Antiquity and the Middle Ages). Krasnodar: "IP Smorodin" Publ., 120—123 (in Russian).
- Kudin, M.I., Kizilov, A.S., Kondriakov, N.V. 2018. In Skhatum, R.B., Ulitin, V.V. (eds.). VIII «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Voina i trgovlia kak faktory istoricheskogo razvitiia narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e (8th Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. War and Trade as Factors of Historical Development of the Western Caucasus Peoples in Antiquity and the Middle Ages). Krasnodar: "IP Shlepnev M.V." Publ., 39—145 (in Russian).
- Kuz'mina, E.E. 1980. In Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History) (4), 11—35 (in Russian).
- Lukin, A.L. 1941. In Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum) 1, 17—98 (in Russian).
- Markovin, V.I. 1978. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza (The Dolmens of the Western Caucasus). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Masson, V.M. 1976. Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii) (Economy and Social Structure of Ancient Societies: In the Light of Archaeological Sources). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Podobed, V.A., Usachuk, A.N., Tsimidanov, V.V. 2019. In Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research) 10 (2). 31—56 (in Russian).
- Trapsh, M.M. 2018. Trudy. V piati tomakh (Works: in 5 vols.) II. Sukhumi: "Dom pečati" Publ. (in Russian).
- Trebeleva, G.V., Klemeshova, M.E., Yurkov, G. Yu. 2022. In Khairedinova, E.A., Iatsishina, E.B. (eds.). Mezhdistsiplinarnye issledovaniia ob"ektov kul'turnogo naslediiia estestvenno-nauchnymi metodami: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Interdisciplinary Research of Cultural Heritage Objects by Natural Scientific Methods: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference). Simferopol: "Antikva" Publ., 160—167 (in Russian).
- Kharuzina, V.N. 1912. In Igrushka. Ee istoriia i znachenie (Toy: its History and Significance). Moscow: I. D. Sytin Partnership (in Russian).
- Khondziia, Z.G., Trebeleva, G.V. 2017. In Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) (3), 164—173 (in Russian).
- Khoroshev, A.S. 1998. In Novgorod i Novgorodskaiia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology) 12, 82—94 (in Russian).
- Tsvinariia, I.I. 1990. Novye pamiatniki dol'mennoi kul'tury Abkhazii (New Sites of the Dolmen Culture of Abkhazia). Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Russian).
- El'konin, D.B. 1971. In Voprosy psikhologii (Issues of Psychology) (4), 6—20 (in Russian).
- El'konin, D.B. 2007. Detskaia psikhologiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshiikh uchebnykh zavedenii (Child Psychology: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: "Akademiia" Publ. (in Russian).
- Klemeshova, M.E., Trebeleva, G.V., Kizilov, A.S., Glazov, K.A., Sokolov, S.V., Yurkov, G.Y. 2023. Application of the Method of A.A. Bobrinsky to Study the Brick Paste Composition from Eastern Abkhazian Medieval Temples and Fortresses. In Ankusheva, N.N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Ankushev, M.N., Ankusheva, P.S. (eds.). Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy –2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Edinburgh: Springer, Cham., 171—183.

Статья поступила в номер 15 декабря 2022 г.

Galina Trebeleva (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Galina Trebeleva (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Требелева Галина Викторовна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: trgv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4214-7716

Andrei Kizilov (Sochi, Russian Federation). Candidate of Pedagogical Sciences. Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences².

Andrei Kizilov (Soci, Rusia). Candidat în științe pedagogice. Celtrul Științific Subtropic al Academiei de Științe a Rusiei.

Кизиллов Андрей Сергеевич (Сочи, Россия). Кандидат педагогических наук. Субтропический научный центр Российской академии наук.

E-mail: kiziloff2014@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7489-8832

Valentin Smirnov (Moscow, Russian Federation). Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences³.

Valentin Smirnov (Moscow, Russia). Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Смирнов Валентин Сергеевич (Москва, Россия). Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: poselkovuy1977@gmail.com

Addresses: ^{1,3} Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ² Jan Fabriciuss St., 2/28, Sochi, 354002, Russian Federation

Список сокращений

АГУ	— Абхазский государственный университет. Сухум.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург / Свердловск.
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП, АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРГУ	— Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. Актобе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВО РАНХиГС	— Волгоградское отделение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГПИ	— Государственный педагогический институт.
ГУ	— Государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДагНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЖХК	— жилищно-хозяйственный комплекс.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповедник «Більськ». Котельва.
КБГУ	— Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик.
КБН 1965	— Струве В.В. (ред.). 1965. Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	— Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
КБНЦ РАН	— Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук. Нальчик.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный университет. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КНИИТМ	— Казахский научно-исследовательский институт тюркологии и монголистики. Алматы.
кол. вкл.	— кольорова вклейка (цветная вклейка).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАК	— Материалы по истории и археологии Кубани.
НА ІА НАНУ	— Научний архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАО	— научное археологическое общество.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ОГУ	— Оренбургский государственный университет. Оренбург.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНТИ ПНЦ РАН	— Отдел научно-технической информации Пуштинского научного центра Российской Академии наук. Пушкино.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РУДН	— Российский университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОВ	— товариство з обмеженою відповідальністю (ООО).
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований, благотворительный фонд «Деметра». Керчь.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮУрГГПУ	— Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск.
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
RIC	— Roman Imperial Coinage. London.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.